„ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ—ЛЕГКО В БОЮ“

В ЗИМНЕМ ЛАГЕРЕ

Подразделение приготовилось к выходу в поле на несколько дней. До района предполагаемых учений 18 километров. В полном боевом вооружении выстроились на плацу жизнерадостные, здоровые, крепкие, как на подбор, курсанты. У каждого винтовка, противогаз, походный ранец, подсумок и малая лопата. Настроение у всех веселое. Курсанты любят боевую учебу, особенно когда она проводится с выходом в поле.

Командир подразделения лейтенант Кошмяк об'ясняет задачи предстоящего марша. Провести его надо по всем правилам передвижения войск в военной обстановке—условиях ПВО, ПХО и ПТО.

— Ставлю задачу,—говорит командир,—пройти 18 километров за 2 часа 30 минут. Младшего лейтенанта Бандуру назначаю начальником боевого охранения на марше. В ваше распоряжение, тов. Бандура, выделяется 15 лыжников. Всем понятна задача?

Всем!—ответили курсанты и командиры.

... Мерно зацокались примкнутые к винтовкам штыки в такт шагу курсантов. Красноармеец Василенко затянул любимую песню о Тимошенко. Ее дружно подхватили остальные. Скоро миновали город. Младший лейтенант Бандура шел с несколькими лыжниками впереди, в головном охранении, обеспечив одновременно правофланговый и левофланговый дозоры. Итти было трудно: снег расползался под ногами. Однако, темп марша не замедлялся.

На 12-м километре раздался сигнал воздушной тревоги. В одно мгновение колонна рассыпалась в разных направлениях. Курсанты быстро одели противогазы, тщательно маскируясь в лесу, продолжали марш по намеченному маршруту.

Только вышли на лесу, как правофланговый дозор сообщил о появлении танков «противника». Командиры взводов Куржавский и Демидов выставили дежурные отделения по борьбе с самолетами, а остальные курсанты быстро вернулись в лес, залегли и приготовились к отражению атаки танков.

...16 километров остались позади, еще 2 километра, и марш будет закончен. Неожиданно на пути встало новое препятствие. Головной дозор сообщил, что «противник» силою до батальона, с приданной артиллерией, расположился на отдых в районе высоты 120, выставил охранение. Командир подразделения решает—захватить расплох «противника» и занять район высоты 120.

Повели наступление по всем правилам боевого устава. Курсанты выполняли быстро и точно все приказания командира. Атакой высоты 120 марш закончился. Время, назначенное командиром на марш, было выдержано.

Курсанты и командиры заняли одну землянку и стали приводить ее в порядок. Вдоль стен устроили некоторое подобие нар для ночлега, посреди установили «буржуйку», и через каких-нибудь 10—15 минут в ней ярко запылал огонь. Во второй земляне хозяйничали около котлов курсанты Шармаров и Шарымов.

После обеда привели в порядок стрельбище, отрыли блиндажи, установили мишени. Вечером лейтенант Кошмяк провел беседу о сопредельных странах.

— А, ну, споем, что-нибудь, товарищи—предложил младший политрук Глушко, когда беседа была окончена.

На песни отказа не бывает. Общим хором исполнили «Махорочку», «Москва Майская», «Песню о Тимошенко» и другие. Гармонист Еремин аккомпанировал хору на гармошке.

В углу, отделившись от всех, при слабом свете свечи, работали члены редколлегии—Шаров, Почетный и Гречин над выпуском «Боевого листка».

Гармонист, виртуозно переливая басами, заиграл плясовую. В расступившемся кружке лихо отрабатывал «Русскую» младший сержант Ворожбик. Его сменил младший лейтенант Бандура, а потом в пляс пустились и другие. Песни, пляски, веселье свидетельствовали о том, что усталость давно забыта.

В 23 часа, как обычно, был дан отбой. А утром в 6 часов под'ем, физзарядка, туалет, завтрак. Туалет, правда, не совсем обычный: вместо воды пришлось умываться снегом, но это не так уж плохо.

В этот день отрабатывалось занятие —штурм дота. В поле хозяйничала вьюга. Сильный порывистый ветер затруднял движение, слепило глаза. На расстоянии 50 метров ничего не было видно. Преодолевая порывы ветра, подразделение подошло к лесу и заняло исходное положение. Лейтенант Кошмяк собрал командиров и определил задачи каждого взвода в предстоящем штурме.

Несмотря на плохую видимость, подразделение уверенно продвигалось по направлению к укрепленной точке «противника». Курсанты первого взвода—Демидова действовали безукоризненно. Используя плохую видимость и тщательно маскируясь, они незаметно подошли на близкое расстояние к доту и затем по-пластунски стали переползать к ней для блокировки амбразур. Только в это время их заметил «противник» и открыл огонь. Второй взвод—Масютина, пулеметный—Куржавского и минометчики—Шкутина не выполнили задачу, не сумели во-время поддержать взвод Демидова.

Атака не удалась. Необходимой согласованности в действиях взводов не получилось. Взвод Демидова, не поддержанный в решительную минуту огнем других взводов, с большими потерями отступил на исходную линию.

Вторичная атака дота завершилась полным успехом штурмующих. Допущенные в первый раз ошибки были учтены и уже не допускались ни курсантами, ни командирами. Особенно хорошо действовали пулеметчики отделения младшего сержанта Ворожбик—Мусин и Ефремов и отделение младшего сержанта Глушенко.

Так, закалялся и совершенствуя боевую выучку, готовят себя воины Красной Армии к боевым действиям с врагами социалистического отечества. Они поклялись на верность своей родине, своему народу и эту клятву готовы выполнить в любую минуту.

Политрук Н. ИВАНОВ.

Орловский военный округ.

Бойцы Н-ской части Орловского военного округа на тактических занятиях. На первом плане—красноармеец тов. Е. Ротань.

Фото М. Шехонова.

ЛИНКОРОВЦЫ

Каждый раз, когда идешь по коридору коммунальной палубы, невольно останавливаешься у мраморной доски с именами матросов, геройски погибших за советскую власть. Всем, кто служит на линкоре, знакомы простые слова, занесенные на мрамор: Чтите павших смертью коммунаров за рабоче-крестьянское дело красных моряков Якова Афанасьева, Ивана Базина, Васильева, Власова, Зотова... с линкора «Севастополь». Еще и еще раз перечитываешь эти слова. В памяти встают суровые дни гражданской войны.

Линкор «Севастополь» ныне носит имя «Парижской Коммуны». Краснофлотцы и командиры в повседневных делах, в боевой учебе, высокой дисциплине показывают свою готовность громить врага смело, не страшась смерти, свято хранят боевые традиции революционных матросов.

Много лет назад на линкор пришли товарищи Шилов, Кубышкин, Нестеров, Ковригин, Трегуб и многие другие. Одни у машин, другие в орудийных башнях овладевали морской культурой, изучали сложную боевую технику плавучей крепости, считались лучшими краснофлотцами. А когда срочная служба подходила к концу, каждый из них из'явил желание остаться на сверхсрочную.

— Корабль—наш родной дом!—с гордостью говорят они. И в дружном коллективе линкоровцев они росли, крепли, познавали тонкости военного дела. А сейчас бывший краснофлотец Шилов—капитан-лейтенант, командир второй боевой части.

Когда линкор выходит в море, там, в глубине корабля, у паровых котлов, на вахту заступают котельные машинисты. Ими командует, учит их воентехник 1 ранга Кубышкин, который сам в этих же кочегарках нес вахту рядовым краснофлотцем.

Старшина-сверхсрочник Симонян, старшина 2 статьи Прут работают у машин. Машинное отделение линкора—это цех крупнейшего завода, оборудованный всевозможными приборами, механизмами. Управлять ими могут только то, кто их в совершенстве изучит. Симонян и Прут знатоки своего дела. Они учат и своих подчиненных.

...На корабль пришло очередное пополнение. Первый раз бойцы спустились в машинное отделение. Разбегаются глаза. Высятся вокруг главных турбин, на переборках десятки манометров и других измерительных приборов, бесчетное количество труб и трубок, по одним подводится пар, другие служат для смазки, охлаждения и т. д.

— Тут до конца службы всего не изучишь,—говорили некоторые.

— Рано гадаете, изучите в установленный срок,—подметил Прут.

Сам он тоже, когда пришел на корабль, считал что всего этого не постичь, а вот овладел, изучил. Правда, пришлось положить много труда, не раз лазил он под слань, чтобы убедиться, куда идет тот или иной трубопровод. И сейчас он, познакомив бойцов с расположением механизмов, приступил к учебе. Учил больше практическим показом.

Наши моряки любят свое дело. Однажды на корабле требовалось проверить один сложный агрегат. Работа ответственная и срочная. Корабль готовился к походу. Медлить нельзя. Все машинисты включились в работу. С временем не считались. Когда краснофлотцу Акишину, бессменно находившемуся у машин 12 часов, предложили итти отдыхать, он заявил:

—Я чувствую себя прекрасно и прошу разрешения продолжать работать.

Так сказал бы каждый.

Энергия, неутомимая жажда к труду, любовь и чувство ответственности за порученное дело взяли свое—агрегат был проверен раньше срока. В назначенное время линкор вышел в поход.

На вахту у маневровых клапанов встали командир отделения Таран, старший специалист Мартыненко, за масляными насосами бдительно следил Елисеев. Высокая температура утомляла бойцов. Но за все время командир не услышал ни слова об усталости. Каждый неослабно наблюдал за вверенными механизмами, регулярно проверял температуру подшипников.

Командир машинной группы уверен в своих бойцах и тогда, когда в море бушует суровый шторм, по палубе стремительно носятся потоки воды. Машинисты воспитали в себе выносливость, высокие морские качества. Недаром в карточке старшины 2 статьи товарища Прут значится 16 благодарностей и других поощрений за умелую работу в трудных условиях.

— Личный состав линкора решал трудную задачу,—говорит командир.— Требовались исключительные усилия, желание, упорство всего коллектива. И, глядя на их работу, радовалось сердце. Вот это моряки, наши советские воины, защитники морских рубежей! С такими людьми не страшно итти в бой. Знаю заранее, что они не остановятся ни перед какими трудностями, добьются победы любой ценой, даже если для этого потребуется отдать собственную жизнь.

...Линкор «Парижская Коммуна» уже несколько дней находится в открытом море. Но его личный состав каждое мгновение чувствует близость родной земли, заботу своего народа, партии, родного Сталина. Это воодушевляет краснофлотцев и командиров на достижение новых успехов в боевой и политической подготовке. Они свято хранят боевые традиции революционных матросов и готовы их умножать.

Г. КОПТЯЕВ.

гор. Севастополь.

ВЗЯТИЕ РОСТОВА

(Отрывок из книги „Маршал Тимошенко“)

Осенью 1919 года Красная Армия перешла в наступление по всему Южному фронту.

Впереди лихих бойцов, отчаянных рубак-конармейцев, шли командарм Буденный и его наводчики: Тимошенко, Апанасенко, Городовиков, Пархоменко. Имена их наводили ужас на деникинские войска.

А во главе всего Южного фронта стоял великий Сталин, творец плана и организатор разгрома Деникина.

Преследуя белых, 1-я Конная армия недалеко от Ростова встретила вновь пополненные казачьи корпуса генералов Мамонтова и Шкуро.

Шедшая впереди 6-я дивизия товарища Тимошенко прямо с ходу атаковала оба белых корпуса. Легко написать эти слова, еще легче прочесть их, но следует представить себе, что значит одна дивизия против двух конных корпусов!

Но дивизию вел Тимошенко, испытанный боец, военачальник и командир, имевший опыт двух войн.

Видя, что кавалерия Шкуро концентрируется в центре для атаки на дивизию, Тимошенко быстро и незаметно для противника спрятал на флангах в окружающих балках (оврагах) два своих полка. В самом центре своего расположения он оставил два эскадрона, но за их спиною, в болотистом изгибе реки, на небольших бугорках он установил сорок станковых пулеметов и шесть полевых орудий, приготовив крепкое угощение для рвавшихся в атаку деникинских вояк. Забрав с собою оставшиеся эскадроны, Тимошенко повел их назад, делая вид, будто бы отступает.

Выскочив из-за холмов, сверкая шашками, гикая и крича «ура», неслась на два слабых центральных эскадрона туча неприятельской кавалерии. Казалось, не было никакой силы, способной остановить ее. Снежное поле потемнело от массы мчащихся коней и разъяренных бурок.

Девятью волнами, девятью конными лавами налетели на эскадроны враги, а вдали, за холмами, вставали все новые и новые силы казаков.

Подпустив белых поближе, оба эскадрона по команде посыпались в разные стороны. Огненным вихрем забили наши пулеметы. «На партечь» ударила замаскированная в овраге батарея. Дым и пламя взметнулись под копытами коней.

Словно скошенная трава повалились наземь первые ряды конницы Шкуро... Тут на них налетела вторая лава, за нею третья. Сзади неслись остальные. А пулеметы все били и били в упор по белоказакам. Картечь рвала и кромсала их. Черная груда тел выросла впереди, метрах в двухстах от пулеметов.

Дрогнули разбитые остатки белой кавалерии, кинулись назад поредевшие ее ряды, и тогда железным кольцом с обоих флангов охватил их своими полками Тимошенко.

Вылетев из балок, на полном карьере ударили лихие полки, и долго рубали и гнали белых доблестные конармейцы, загнав остатки отборной конницы Шкуро далеко за холмы.

* * *

Стоял холодный, морозный день. Начавшийся вчера бой в предместье Ростова разгорался. Все сильнее слышалось гиканье атакующих казаков, раскатистое «ура» наших конармейцев, грохот орудий, треск пулеметов и разрывы гранат. В морозном воздухе вставали белые облачки от шрапнелей, с земли неслись стоны и вопли умирающих людей.

Наши цепи, медленно продвигаясь, уже стали сбивать врага. Командиру 6-й дивизии Тимошенко не терпелось. Он очень хотел ворваться в город Ростов. Но прат упорствовал, а до города было еще далеко. Бросив тремя волнами дивизию и взяв с собою эскадрон, начдив повел его в обход и во фланг противника и, обойдя залегшие в окопах цепи белых, прошел в тыл, к холмам, из-за которых грохотали пушки.

— Остановиться здесь, спешить эскадрон! — приказал Тимошенко, а сам вместе с комэскадрона и вестовым ползком взобрался на холм.

Перед ним открылась равнина. Неподалеке гудел-грохотал бой. Здесь же, у подножия холма, стояла мощная полевая артиллерия, стрелявшая по красноармейским цепям. Вытянувшись в ряд стояло 37 полевых орудий, то и дело вспыхивало, вылетая из дула пушек, желтое пламя, и снаряды летели туда, откуда упорно шли красные полки.

— Однако ж, забрались мы, — с некоторым удивлением покачал головой начдив.

Внизу у батарей суетливо бегал какой-то старичок-офицер, покрикивая на артиллеристов. Орудия стояли без прикрытия.

«Медлить нельзя»,—подумал Тимошенко и, сбежав с холма, посадил на коней свой эскадрон. Не прибавляя шага, он спокойно подвел его к стрелявшим батареям. Это было так неожиданно, что и старичок-полковник, да и все белые артиллеристы решили, что к ним для прикрытия подошел свой же эскадрон.

— А ну, друзья, поверните-ка свои орудия вон на ту группу кавалерии, да и откройте по ней разом самый сильный огонь, — указывая на резервы казаков, сказал Тимошенко.

Эскадрон спешился и быстро охватил кольцом батареи.

— Как можно! Что вы, что вы, ведь это же наши,—удивленно поднял на него глаза старичок-полковник, недовольный вмешательством посторонних лиц в его дела.

— Я знаю, что наши, вот потому и приказываю вам сейчас же открыть огонь. Разве не видите, что мы — буденновцы, а вы в плену,—строго сказал Тимошенко и уже грозно крикнул:—Ну, кому дорога жизнь, открывай по белым огонь, а то сейчас всех порубаем!

Старичок удивленно пожал плечами и, глядя на красную звезду на папахе Тимошенко, подал команду:

— Повернуть орудия... по конице, трубка 85—ог-гонь!

Солдаты-батарейцы беспрекословно исполнили его приказание. Все тридцать семь орудий белых обрушились на ничего подобного не ожидавшую конницу Шкуро. Дождь своих же снарядов полился на растерявшихся белоказаков. По всему полю в панике мчались одиночные всадники, бежали куда попало пешие люди, неслись кони, а вслед им грохотали залпы батарей.

—Я, видите ли, энтузиаст своего дела... — извинялся потом старичок, об'ясняя руководителям Конармии свой такой неожиданный переход. — Люблю артиллерию, и для меня самое главное—удачные попадания в цель, а ведь тут, извините, мишень-то какая, целые полторы дивизии. Ну, разве ж можно удержаться от искушения?

Быть может, это, а быть может, и страх за свою жизнь сыграли главную роль в психологии этого «любителя артиллерии», но только залпы его артиллерии по своим же частям весьма способствовали внезапному захвату Ростова полками Конармии.

Город Ростов и его население даже и не знали о том, что красные уже вошли в город, так стремительно и внезапно было для всех наступление Конной. Когда части 6-й кавдивизии входили в Ростов, его улицы были залиты светом, на тротуарах прогуливались толпы публики, сияли витрины кинотеатров, громыхали трамваи. Перейдя мост, раз'езды увидели большой костер, вокруг которого виднелись закутанные фигуры солдат. Два пулемета и полевое орудие стояли возле. Раз'езд подошел к ним.

— Это что, смена, что ли?—лениво спросил один из греющихся солдат.

— Она самая,—сказал впереди едущий конармеец, соскакивая с коня.

— Вроде, как бы рано... — удивился солдат.—На армянской церкви еще не били часы.

— Уже пробили,—засмеялся конармеец и властно скомандовал:

— А ну, смирно! Сдавай оружие! Вас, чертей, давно пора сменять...

— Это как же?—не поняли солдаты.

— А так! Сдавай оружие, и все, а то всех шашками порубаем!

Хаджи-Мурат МУГУЕВ.

ГОД НАЗАД...

(Из боевых воспоминаний)

I

Нет, совсем не такой в Финляндии лес, как на нашей Украине. Высокие сосны, в обхват, ночью стоят на снегу, как нарисованные. Ветви вверху, а книзу голо, словно стоишь не в роще, а в какой-то пещере с колоннами. Звезды мигают, холодные, спокойные. Снег падает тихо. Выстрелы орудий звучат издалека протяжно, как трубы.

Вызов командиров тяжелых батарей последовал в эту же ночь.

Начальника артиллерии дивизии я встретил в овраге, в 300—400 метрах от фронта. Слева, судя по карте, было озеро, в него впадала небольшая река. По рассказам товарищей я знал уже, что здесь, на линии Муолаа—Ильвес, кончилось белофинское предполье. Пехотные части и танки пробовали ворваться с хода в укрепленный район, но не смогли.

— Вот тут, — сказал начальник артиллерии, — где-то в углу, между озером и речкой стоит дот. Ну, а где точно—узнайте сами. Попытки пехоты продвинуться по реке к озеру успеха не имели. Чуть ли не десяток пулеметов на квадрате 300 на 400 метров. Дот нужно подавить во что бы то ни стало...

Ушел начальник артиллерии. Остались мы одни. Передал приказ — выслать разведчиков и вести телефонную линию. Сел на пень—было о чем подумать.

...Ночь близилась к концу. Пока не явились мои хлопцы, надо было узнать, где же этот проклятый дот, а решить, где быть наблюдательному пункту. Судя по сообщениям начальника артиллерии, амбразуры дота вели огонь во фланги наших наступающих частей и были видны только с фланга. Значит, надо ползти в лес, выйти к доту с направления обстрела.

Шагов через двести канава, которой я полз, круто сворачивала в сторону. Влево, под деревьями был какой-то большой бугор с тремя соснами. Не дот ли? Подполз к бугру. Тишина. Подобрался метров на пятьдесят. Опять тихо. Подполз на сорок. Снег, как снег, сосны, как сосны. На одной из них кора сбоку содрана пулями. На снегу видно, что содранная кора отлетела в нашу сторону. Стало быть стреляли не отсюда. Я подполз пилотную к бугру, стал осматривать его и так и сяк, ощупывать ногами и руками. Нет, не дот. Вернулся опять в канаву. И метров через двести впереди на пригорке зачернела еще одна группа деревьев. Справа—замерзшая речка. Дальше за пригорком уходила белая гладь запорошенного озерного льда. Что здесь за пригорок у горла реки? Я заметил, что по бокам канавы исцарапанных пулями деревьев становится все больше и больше, а вскоре увидел серый металлический отсвет на пригорке и черную щель в снегу. Рассвело. Щель обозначилась резче.

Обратно я полз уже целиной. Пересек поляну, оглянулся, выбрал, где встать. Подходящее место нашел на лесной опушке. Отсюда до дота было метров 90—100. Так, сначала полным, а потом уже во весь рост, когда очутился за деревьями, я вернулся к своим.

...Я знал, что мы находимся в эллипсе рассеивания снарядов своей же батареи. Абсолютно точной стрельбы из орудий, да еще на расстояние в семь километров, не бывает. Снаряды покрывают определенный участок, густо собираясь к его центру. Безопасная зона находится не ближе, чем в двухстах метрах от основной массы разрывов на поражение.

И все-таки перенести наблюдательный пункт было некуда. В 130—150 метрах от дота в окопах, укрытых за лесом, лежала пехота.

Командир роты, узнав о наших приготовлениях, прислал пулеметный расчет со станковым пулеметом. Охрана наблюдательного пункта была необходима. Лыжники-белофинны могли подойти к нам и с фланга и с тыла.

Потом я пошел к командиру роты.

— Вот что, товарищ лейтенант, — сказал я ему.—Отползайте со своими бойцами еще метров на сто. Эллипс рассеивания—неприятная штука!

Уже через несколько минут по одному, по два пехотинцы стали отходить на свою вторую линию.

Можно было начинать пристрелку, но оставалась невыполненной еще одна задача. На пункте нас было четверо. Не очень крупное подразделение, но и его следовало рассредоточить. Если одного убьют, вести огонь должен другой. Стало быть, надо разместиться так, чтобы прямое попадание снаряда не могло вывести из строя сразу всех. Мы расположились на расстоянии 15 метров друг от друга.

Репер для переноса огня нужно было найти за целью и начинать стрельбу с перелетов. Всякий иной метод, например, попытка вести огонь сразу на поражение, был бы непростительно легкомысленен. Я подал первую команду, зная заранее, что снаряд разорвется в 500—600 метрах за целью. Так оно и случилось. От деления к делению я приближал разрывы к пригорку.

— Левее 0—02, — говорил я. — Прицел... Огонь!

— Выстрел! — отвечали мне с огневых позиций.

Я подвел разрывы вплотную к доту. Наводка была исключительно точной. Ни один из снарядов не разорвался ближе, чем в сорока метрах от нас.

Заботясь о людях и о самом себе, я проявил оплошность. Удалил от себя телефониста и был вынужден громко подавать ему команду. Нас слышали в доте. По крайней мере до нас доходили крики белофиннов. Через несколько минут вражеские орудия начали нас обстреливать. Это было неприятно.

Тогда мы начали временно «слепнуть». Стреляли 5—10 минут и вдруг переставали вести огонь. Белофинны думали, что разгромили нас, и также прекращали стрельбу. Тогда мы открывали огонь снова.

Через 15—20 выстрелов первый снаряд попал в дот, рикошетировал, разорвался в стороне, но все же свалил одну из росших на доте сосен. Еще через несколько минут снаряд сорвал подушку дота. Справа пошла пехота, но залегла. Из дота открыли огонь. И вот, наконец, снаряд разорвался прямо на куполе.

II

Началась артиллерийская подготовка. Через четыре часа она кончилась, пехота пошла. Но, не пройдя и километра, легла снова. Сзади первой линии дотов у белофиннов была вторая, еще более сильная, еще лучше замаскированная.

Мощные долговременные огневые точки здесь были созданы по лучшим английским и французским образцам. Огневая разведка их с дальнего расстояния не дала ощутительных результатов, да и не могла дать. Мы не знали, где они расположены.

— По каким из них вести огонь? Куда вывозить орудия? — спросил я старшего командира.

Он ответил, что предоставляет батарее самую широкую инициативу.

— Стрелять хочется всем, — сказал он, — но стрелять по доту прямой наводкой будет тот, кто обнаружит дот. Понятно, товарищ старший лейтенант?

Да, понятно. Я взял с собой младшего лейтенанта, приказал трактористам приготовить два лучших трактора, проверить орудия и опять ушел в разведку.

Слово «ушел» никак не определяет способа нашего передвижения. Мы даже не ползли, а извивались где-то между снегом и землей. Так мы проползли надолбы, «подошли» к проволоке, огляделись по сторонам—никаких признаков дота не было. Спокойные и одинаковые виднелись то тут, то там бугорки, камни, сугробы.

И вдруг на наших глазах один из снежных сугробов, безобидных на вид, повернул свою верхушку, осыпал снег. Мы даже и не думали о том, что белофинны повертывают башню дота, может быть, разглядев наше приближение. Цель была найдена, вот в чем все дело!..

В трехстах метрах от дота одно из моих орудий встало на открытую позицию. Саперы, по горло в снегу, работали целый день и часть ночи, прокладывая дорогу тяжелым тракторам. К утру мы были готовы.

Командир части встретил меня недоверчиво. Несколько дней подряд вели артиллерийские полки огневую подготовку атаки. Но каждый раз, когда пехота поднималась для броска, ей приходилось залегать под жестоким огнем. Все было вокруг изрыто воронками от наших снарядов, а доты жили. На огневую позицию я пригласил с собой начальника штаба. Мы пришли. Наводка была уже закончена.

— Огонь!

Первый же снаряд попал в левый край снежного сугроба. Когда улеглись обратно на землю осколки камня и тучи песка, мы увидели, что сугроб почернел, под снегом показалась глянцевитая стальная стенка, рухнуло дерево, что росло на сугробе, и наружу вылез смотровой купол.

Белофинны даже не успели организовать огня по нашей открытой позиции. Второй снаряд пронесся мимо в каких-нибудь двух метрах, но третий ударил в основание купола, и мы увидели, что его огромная стальная толща развалилась, словно расколотая гигантским топором.

Но я уже имел опыт борьбы с этими коробками. Даже с виду уничтоженная дот, разделенная на отсеки, может еще жить и вести успешную стрельбу по наступающей пехоте. Дот нужно было занять. Я предложил командиру части начать движение к доту с фланга. Пехота поднялась. Мы продолжали стрельбу. Вот отвалился железобетонный угол с правого края, лопнула напольная стенка.

Я продолжал вести огонь. Пехота залегла недалеко от дота, на расстоянии короткого, энергичного броска. Последний снаряд. Бросок. Дот занят. Казалось, что мы снесли дот с лица земли. Но когда наши славные пехотинцы проникли в глубокие отсеки, они нашли там еще живых белофиннов.

Герой Советского Союза капитан Д. ШЕВЕНОК.

ДОСТОЙНАЯ ВСТРЕЧА

Готовясь достойно встретить XXIII годовщину Красной Армии, подразделение командира тов. Тертова достигло серьезных успехов. Бойцы и командиры точно выполняют распорядок дня, рационально используют каждую минуту учебного времени.

По огневой подготовке подразделение имеет отличную оценку, по строевой и тактической—хорошую. В соревновании имени XVIII партконференции первое место в подразделении по всем видам учебы заняло отделение, которым командует сержант тов. Тупин.

Лучшие результаты по всем видам учебы имеют комсомольцы—зам. политрука т. Маленький, курсанты тт. Горковенко, Осипов, Коровков и другие.

ПЕРЕДОВОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Отделение сержанта тов. Кошленко по праву считается передовым в подразделении. В отделении хорошо поставлен учет социалистического соревнования. Тов. Кошленко ежедневно подводит итоги выполнения обязательств и тут же ставит задачи на следующий день. На тактических занятиях отделение получило отличную оценку. Больших успехов добились по всем видам учебы комсомольцы тт. Дерзач, Шейфман, Лупиев, Басов, Никольский и Рубанов.

На лыжном кроссе имени Героя и Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко отделение в полном составе прошло 20-километровую дистанцию, показав хорошие результаты.